

Пиши о том, чем ты живешь

Психологически точные и мастерски отточенные стихи Риммы Казаковой многие годы завораживают читателей, жадно ищущих поэтические ответы на болевые вопросы души.

Ее имя неразрывно связано с поэтическим бумом шестидесятых годов. Константин Симонов писал о ней в "примечаниях к стихам": "Римма Казакова из того поколения наших поэтов, которое встретило войну школьниками и узнало, что такое смерть и что такое сиротство прямо за партами... Оно хотело правды и хотело действия. Оно спешило личным участием в делах страны и человечества духовно восполнить в себе то вынужденное свое детское бездействие в недавние годы войны..."

Это ее бескомпромиссное стремление к правде проявилось в первой же книжке, вышедшей в Москве "Там, где ты" (1960 г.). Уже тогда она поняла: для того, чтобы быть поэтом, кроме поэтической души и филологического дара, надо иметь характер. И понастоящему первой профессиональной книгой для нее стала "Пятницы", вышедшая в 1965 году.

— Однажды Евгений Евтушенко мне сказал, вспоминает поэтесса: "Расскажи о том, чем ты живешь. Ничего не бойся — дописывай до конца!" Вот после этого и родилась в Комарово моя книга "Пятницы".

Так, с воспоминаний о незабвенных шестидесятых годах, и началась наша беседа с поэтессой Риммой Казаковой, чья новая книга под неожиданным названием "Наугад" выдвинута на соискание Государственной премии России в области литературы и искусства 1996 года.

— Римма, чем можно объяснить то, что во время "оттепели" поэзия пользовалась всенародным вниманием и любовью, а теперь она вроде как и не нужна...

— Я считаю, что поэзия занимала тогда не свое место: на ее хрупкие плечи падали все те обязанности, которые должны были выполнять средства массовой информации и общественные институты. Как только рухнул сталинский режим, лишь молодым людям легче было понять, что же произошло — вот так же сейчас старики с трудом вкручиваются в рыночное время. И тогда молодые поэты были провозвестниками нового времени — эмоционально осмыслили, отогрели страну, оттеснили ее от всего мертвого, догматичного. Не шибко нам нравилось, что ни говори, жить в конуре, со всех сторон запертой. Но, с другой стороны, поэзия должна быть собственной поэзией.

— По-моему, феномен поэтиче-

ского бума шестидесятых годов еще ждет глубокого осмысления, но уже ясно, что владение умами и душами многомиллионной армии читателей нельзя списывать лишь на гипноз "эстрадной поэзии". Все значительно сложнее и тоньше.

— "Эстрадная поэзия", я считаю, — это неправильное, неточное выражение. Я бы назвала ее "трибуной" поэзией. Непосредственное общение писателя с читателем — это не эстрада, не шоу-бизнес, а серьезный разговор. Время было потрясающее. Если я видела на стенде "Литгазету" с чьими-то стихами, я заболела: они пишут, а я тут по Тверскому бульвару разгуливаю...

Я печатаюсь с 1955 года, издала десятки книг. Самое главное, у меня есть читатель. Сама себе предрекла все, что со мной потом произошло. Считаю, что я талант из народа и для народа, но настоящей профессиональной оценки моим стихам не было.

— И даже когда была секретарем правления Союза писателей СССР?

— Когда я секретарствовала, издала всего одну книжку... Может быть, многого не сделала на этом посту, но одно удалось: я и мои коллеги в бюро пропаганды художественной литературы воссоздали поэтические вечера в Политехническом музее. И за 5 лет таких вечеров было проведено более полусотни. Мы привели к народу его поэтов. Тогда были у всех на устах имена нескольких кумиров — Ахмадулина, Евтушенко, Окуджавы, Рождественский, Вознесенский... А у меня было гражданское и просто человеческое желание показать, что кроме этих звезд есть и другие интересные поэты.

Мы, наверное, продлили жизнь замечательному поэту Арсению Тарковскому тем, что уст-

роили ему встречу с аудиторией. Он читал стихи сам, и еще ему помогал Михаил Козаков, любящий его стихи. С успехом прошли вечера поэтов Сергея Маркова, Михаила Матусовского, Маргариты Алигер, а также молодых. Теперь мне жаль, что этих вечеров нет.

— Да, редко нынче Политехнический радуется поэзии. Разве что Евгений Евтушенко раз в год в день своего рождения выступает там по контракту. Впрочем, недавно прошел там ваш большой творческий вечер...

— И тоже накануне дня моего рождения — это был даже скорее концерт, потому что пелись мои песни. Были Лев Лещенко, Галина Ненашева и много молодых исполнителей. Концерт затянулся, но никто не ушел, и я поняла, что народ-то хочет поэзии. Всем уже надоело читать детективы и заморскую фантастику. Мы возвращаемся к урокам классики, к тому, что есть настоящая российская культура. Я трепетно мечтаю, чтоб поэтам отдали зал Политехнического, чтобы от нас не требовали арендной платы, чтобы поэзия в нашей стране обрела новый статус. А то, что поэзия, как сказал наш классик, "существует — и ни в зуб ногой", это точно. И с этим общество не может не считаться, потому что иначе оно много потеряет.

Поэтому я, убежденная государственница, считаю, что должен быть хоть один канал телевидения государственным и должны быть государственные издательства, ибо государство должно прежде всего печься о подрастающем поколении и о культуре в целом. Но у нас сейчас сложилась такая ситуация, что я меньше всего уповаю на государственную помощь, так как наступила рыночная эпоха, хотя лично для меня она не в новинку —

я с 25 лет на "вольных хлебах" живу по принципу: что потопашешь, то и полпашешь.

— Римма, расскажите чуть подробнее о своей книге стихов "Наугад", выдвинутой Союзом писателей Москвы на Государственную премию этого года.

— Рождалась она не просто. Она объединяет и стихи с дороги, и политические, и стихи о любви, и песни, которые я сочиняю абсолютно серьезно, как собственные стихи.

Был соблазн — оставить в книге лишь как бы вечное: любовь, природу, мир в его философском осмыслении. Но это была бы не я. Хорошая или плохая эта книга — она моя. Она похожа на меня, а я на нее. Даже под легкомысленным названием "Песенки" — пласт жизни. "Ненаглядный мой", "Музыка венчальная", "Безответная любовь", "Ты меня любишь", "Добрые люди"...

— Да, песни Риммы Казаковой язык не поворачивается назвать "эстрадными", хотя они решили судьбу многих звезд эстрады — и Александра Серова, и Игоря Крутого, и многих других. А почему книга называется "Наугад"?

— По названию стихотворения, которым я открываю книгу:

...Я шагала, как солдат:

часть массовки, часть народа.

Но чертился наугад

Путь совсем иного рода...

Держу в руках томик в золотистой суперобложке, выпущенный молодым издательством АСА-DEMIA, и думаю: а ведь стихи Риммы Казаковой и впрямь давно вошли в золотой фонд нашей российской поэзии. За этой книгой стоит вся ее творческая судьба, прозрачная любовью читателей и временем.

Владимир ДАГУРОВ,
член Союза писателей РФ.